

жая их на досках, то и те и другие многих побуждают к мужеству».¹ В русских пересказах этой мысли Василия Великого вместо живописцев, изображающих подвиги, речь идет о «песнотворцах», слагающих песни в честь героев.

Таким образом выражение — «помняшьте бо, рече, първыхъ времянь усобицѣ» — определяет свойства песнопений Бояна, так как он был признанный творец песен в честь военных подвигов. Таких певцов Кирилл Туровский называет «вѣтии (витии), рекше пѣснотворци». Автор «Слова о полку Игореве» не оставляет сомнения в том, что Боян был творец своих песен — «Боян бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь т в о р и т и». Становится понятным, почему автор Слова обращается к Бояну как песнотворцу военных подвигов, говоря о несчастливом походе Игоря: «О Бояне, соловію старого времени, абы ты сіа плѣкы ущекоталъ». Он считал, что этот поход мог быть воспет Бояном.

Таким образом Боян был песнотворец, сочинитель песен о битвах и ополчениях. Эти песни он сопровождал игрой на струнном инструменте, считаемом за гусли. Бояна считали гуслиаром не одни комментаторы «Слова о полку Игореве». Уже в Задонщине, в XV в., автор, знакомый со «Словом о полку Игореве», говорит: «Взыдем на горы киевскія, первее всех вшед восхвалим вещаго Бояна в городе Кіеве, гораздо гудца, той бо вещей Боян воскладая свои златыя персты на живыя струны, поаше славу русским князем. . . восхваляя их песнями и гусельными буйными словесы».² Несколько иначе этот текст передан в списке Ундольского: «Похвалим вещанного боярина (вместо Бояна) горазна гудца в Кіеве. Тот боярин воскладаша горазныя своя персты на живыя струны, поаша русским князем славу. . . аз же помяну Рязанца Софонія и восхвалю песнеми, гусленными словесы сего великого князя» и т. д.³ Боян здесь называется «гораздым гудцем», он воспевае князей песнями и «гусельными буйными словесы», следовательно, играет на гуслиах и поет. Кроме того, эти тексты называют Бояна «гораздым гудцом», что восходит к пониманию слова «гудец» в XIV в. В новгородской рукописи XIV в. изображен сидящий на земле гуслиар. Гусли у него на коленях, и обе руки касаются струн. Над ним надпись: «гуди гораздо», из чего следует, что гуслиар называется гудцом.⁴ У Кирилла Туровского встречается выражение «в гусли гудуть»; в житии Андрея юродивого — «держаше гусли и гудяше» и пр. Из всего сказанного видно, что Бояна в XV—XVI вв. считали за гудца на гуслиах и что определение его музыкального инструмента как гуслей восходит еще к XIV в., а судя по некоторым данным, и к более раннему времени. Выражение, приводимое Срезневским из текста Григория Назианзского XI в. — «Гусельного творца гудца разумѣть», — показывает, что эта фраза могла бы хорошо пояснить игру на гуслиах и пение Бояна как творца песен и гудца.

¹ *Nomilia in 40 Martyres. Migne. Patr. graeca, t. 31, стр. 508—509.*

² П. Сямони. Памяти. стар. русск. языка и словесности XV—XVIII стол. Вып. III. Задонщины по спискам XV—XVIII ст. Пгр., 1922, стр. 20.

³ Ф. Буслаев. Историческая христоматия, М., 1861, стлб. 1311.

⁴ В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887, табл. 67, рис. 2.